

Абхазский Научно-
Исследовательский
Институт Краеведения

А. В. ФАДЕЕВ

Меч и Золото

НА
БЕРЕГАХ АБХАЗИИ

Издание АБГИЗ'а
Сухум, 1933 г.

АБХАЗСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕД. ИНСТИТУТ КРАЕВЕДЕНИЯ

А. В. ФАДЕЕВ.

История

МЕЧ и ЗОЛОТО
НА БЕРЕГАХ АБХАЗИИ

Сухумский уезд

(Очерки по истории береговой торговли XVI—XVIII вв.)

ОТ АВТОРА

Настоящая работа представляет собой попытку подойти к анализу береговой торговли, ее характера и роли для общественно-исторического развития Абхазии в эпоху турецкого протектората на черноморском побережье в XVI-XVIII в.в.

Материалом для данной работы послужили в основном труды историко-этнографической и лингвистической экспедиции АБНИИК'а осенью 1932 г., участником которой был автор, а также сведения, обнаруженные при проработке письменных источников — записок иностранных путешественников.

Автор выражает глубокую признательность академику **И. И. Мещанинову** за консультацию по тематике настоящей работы, а также благодарность **А. К. Хашба** за руководство, оказанное при использовании языковых данных (терминология), и **А. Н. Данкевич** — за помощь в переводах сочинений Шардэна и Дюбуа.

А. Фадеев.

25 сентября 1933 г. Сухум

I. Процесс берегового обмена

Торговый капитал на берегах Черного моря

Еще до нашей эры побережье Черного моря служило ареной интенсивной античной торговли.

Многочисленные следы эллинских и римских колоний на берегах Крыма, Кавказа и Лазистана говорят о том, что Черное море пользовалось широкой известностью в античном мире. Описания „Понта Эвксинского“ и его берегов, встречаемые у Гекатея из Милета (VI век до н. э.), Геродота (V век до н. э.), Гиппократы (IV век до н. э.), Страбона, Плиния и др., легендарные мифы о скованном Прометее, о походе Аргонавтов, похитивших из Колхиды „золотое руно“, и прочие данные античного фольклора,—убеждают нас в том, что природные богатства Черноморского побережья, в частности Западного Кавказа, манили к себе предприимчивых мореплавателей и купцов средиземноморских государств древнего мира.

История Адыгеи, Абхазии, Мингрелии, Гурии и др. неотделима от истории колониционной деятельности Эллады, Рима и Византии.

Разложение родового строя, формирование племенных объединений, их феодализация у черноморских адыге, у абхазцев и западных картвелов, образование и распад так наз. „Абхазо-Картвельского царства“—все это происходило не без влияния Византийского торгового капитала.

Наконец, если мы остановимся специально на Абхазии, то вся история Абхазского феодализма тесно связана с деятельностью иностранного торгового капитала—византийского, итальянского, турецкого и его колонизаторскими устремлениями на восточном берегу Черного моря.

История Черноморской торговли имеет несколько основных этапов.

До нашей эры и в первые столетия нашей эры она находится в руках античных колонизаторов—эллинов и римлян.

С IV века последних сменяет Византия, которая ведет упорную борьбу с Персией за великие торговые пути в Азию через Кавказский перешеек, особенно стараясь подчинить своему влиянию Западный Кавказ, как плацдарм для дальнейших агрессивных устремлений в долинах Риона и Куры.

После того, как господство Византии в восточной части средиземно-морского бассейна падает, подорванное великим наступлением арабских племен, на Средиземноморских и Черноморских рынках начинает активизироваться западно-европейский торговый капитал. В эпоху так называемых „крестовых походов“ этого мощного движения на Восток феодальной Европы—к X-XII векам выделяются итальянские „города-государства“ — Венеция, Пиза, Флоренция, Генуя, которые пользуясь упадком Византийской империи, натравливая на нее полчища западно-европейских феодалов, успешно вытесняют византийский торговый капитал, проникая и в Черное море.

Еще в 1170 году Генуэзские купцы заключают договор с Византийским императором Мануилом на право „свободной торговли“ (*commerce liberte*) на Черноморских рынках.

Когда же в 1204 году организованные Венецианским капиталом банды „крестоносцев“ разграбили и захватили Константинополь, создав на дымящихся развалинах великолепной Византии эфемерное феодальное государство—„Латинскую империю“, то Венецианские купцы стали полными хозяевами прежних Византийских рынков.

Вечные конкуренты Венеции—Генуэзские купцы стремились в течение полувека подорвать Венецианскую монополию, не стесняясь никакими средствами вплоть до морского разбоя и бандитизма.

Борьба этих могучих конкурентов за Средиземноморские и Черноморские рынки закончилась победой Генуи. В 1261 году генуэзцы оказывают решительную поддержку византийцам, которые вновь занимают Константинополь, разрушая „Латинскую Империю“—этот худосочный выродок агрессивного западно-европейского феодализма. В благодарность за реставрацию Византии император Михаил Палеолог передает генуэзцам все Венецианские колонии на берегах Эгейского и Черного морей.

Генуэзский торговый капитал проявляет кипучую деятельность на берегах Черного моря. Центром Генуэзской торговли в 1266 году становится на Черном море Каффа (в Крыму, близ современной Федодосии), построенная еще в 1234 году, но затем разрушенная Крымскими татарами.

На побережье Абхазии также возникают Генуэзские колонии:

Хакари (Hacary)—нынешние Гагры.

Санта-София (St. Sofi)—в долине сел. Алахадзы.

Пецонда (Peconda)—в Пицундской бухте.

Каводи Буксо (Cavo di buxo) - на берегу Бомборской бухты.

Никопия (Nisoria)—нынешняя Псырцха.

Севастополь (Sevastopol) - у Кодорского мыса.

Ола-Гуана (Ol-gu-na) - на месте древней эллинской колонии Гуэнос, в районе сел. Киндги.

Сант-Анджело (St. Angelo)—около устья реки Ингур, в местности Сатанджо.

Наиболее крупной из этих колоний был Севастополь, который служил резиденцией протектора (protector) всех Кавказских колоний генуэзцев.

Генуэзские колонии обычно представляли из себя населенные пункты, обнесенные стеной или защищенные башнями, с торговыми факториями, гостинными дворами (fondaco), магазинами, и т. д.

Самый расцвет Генуэзской торговли на Черном море относится к XIII-XIV векам.

Захват турками Византии в 1453 году нанес смертельный удар Черноморской торговле генуэзцев.

Турецкий флот на Черном море нарушает регулярные торговые сношения. Колонии хиреют. В 1475 году турки захватывают Каффу и вслед за этим Генуэзский капитал теряет окончательно и другие колонии.

Однако, потеря колоний не означала полной ликвидации торговой деятельности генуэзцев на Черном море. Еще и в XVIII веке мы видим генуэзских купцов на побережье Абхазии и Черкесии, но, разумеется, теперь они принуждены уступать купцам, плававшим под турецким флагом.

Западно-европейский торгсвый капитал не оставлял надежды проникнуть на Черноморские рынки, ставшие ему известным со времен „крестовых походов“. В этом отношении показателен факт заключения франко-турецкого союза и торгового договора в 1535 г., благодаря которому французские корабли появляются на Черном море. Но французская торговля под контролем Турции, конечно, не могла достичь размеров итальянской торговли эпохи Генуэзской монополии. Главными наследниками генуэзцев были все-таки купцы—подданные Турции, находившиеся под защитой ее военно-политического могущества.

Эти купцы в большинстве случаев не были турки по национальности, ибо обширная и могущественная Оттоманская империя ни в коей мере тогда не была национальным турецким государством и отличалась такой же пестротой национального состава, как и ее предшественница—Визан-

тия. Она включала в себя покоренные турками страны с арабским, греческим, славянским населением, стоявшим на более высокой ступени экономического развития. Оттуда главным образом и происходили кадры предприимчивых агентов торгового капитала, развивающегося под покровительством Порты, который содействовал укреплению ее хозяйственно-политической мощи, прекрасно уживаясь с военно-феодальной социальной верхушкой старой Турции.

Эти-то купцы, которые плавали под Турецким флагом и были подданными Оттоманской империи, и наследовали Генуэзскую торговлю на берегах Черного моря, пользуясь всеми плодами торговой монополии, оберегаемой турецкими гарнизонами на побережье, подчиненном протекторату Стамбульских султанов.

Они развили на Черноморских рынках активную посредническую торговлю, не будучи тесно связаны с производством какой-либо одной местности, не будучи агентурой промышленности, а выступая свободно и самостоятельно, срывая легко цветы колоссальных барышей, лишь ничтожную долю которых они уступали государству в виде пошлин и сборов, имеющих силу косвенных налогов. Официальная пошлина составляла всего 3%, но фактически вся сумма взимаемых сборов была значительно выше существовали особые корабельные и маячные сборы, и т. д.

Торговый капитал вообще во всех странах является первичной формой капитала, при чем всюду он развивается в форме свободного и самостоятельного существования, сплошь и рядом возникая на базе не-капиталистического способа производства.

Анализируя процесс превращения товарного и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый, Карл Маркс в XX главе III тома „Капитала“, где он дает блестящий очерк истории развития купеческого капитала, указывает, что если при капиталистическом способе производства купеческий капитал «является лишь капиталом с особой функцией», то в до-капиталистических общественно-экономических формациях «купеческий капитал представляется функцией капитала *par excellence* (по преимуществу)» (Карл Маркс—„Капитал“, III, стр. 228).

«Торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет исторически древнейшую свободную форму существования капитала» (там же, стр. 227), появляясь, там, где имеется простое товарное обращение, при чем для него безразлично—является ли производство в целом товарным производством, ибо он находит себе почву при любом способе производства, где существует обмен товаров, хотя бы хозяйство в целом и носило натуральный характер.

Даже более того, торговый капитал чувствует себя тем свободнее и самостоятельнее, чем дальше данная общественно-экономическая формация исторически удалена от капиталистической. Известно, например, насколько активно и независимо выступал торговый капитал в древнем азиатском обществе („дамкары“ Вавилона, финикийская торговля, и пр.) и в античном мире (Эллада, Рим).

Именно поэтому Маркс и устанавливает закон, по которому «самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества» . . . („Капитал“, III, стр. 229).

Далее Маркс приводит пример из истории Итальянского торгового капитала и его деятельности на восточных (и Черноморских) рынках, где особенно ярко проявлялся этот закон потому, что там «главный барыш приносит не вывоз продуктов из своей страны, а посредничество (подчеркнуто нами, А. Ф.) при обмене продуктов таких обществ, которые не развились в торговом и вообще в экономическом отношении» . . . (там же, стр. 229).

В самом деле, именно посредничество при обмене продуктов разных экономических районов, характерных низким уровнем развития производительных сил и социальных отношений, именно это определяло основное содержание и береговой торговли в Абхазии.

В этом процессе обращения товаров, который обслуживала посредническая деятельность сначала Генуэзского, а затем и „Турецкого“ торгового капитала, крайними членами были, например, крымская соль и абхазский самшит, сирийское железо и черкесские рабы, и т. п. продукты феодальной системы эксплуатации. Непосредственными производителями этих товаров были рабы и крепостные или лично зависимые крестьяне, но продавцами и покупателями всегда выступали их владельцы—представители господствующей феодальной верхушки, которая отчуждала прибавочный продукт трудящихся путем внеэкономического принуждения. Торговый же капитал, выступая в роли посредника, базировался на низкой степени развития производства обслуживаемых стран и районов, на натуральном по преимуществу характере их экономики, на феодальных методах классового господства и подчинения, на отсутствии достаточно развитого внутреннего обмена, используя даже патриархальность феодально-родовых норм (еще Интериано (1551 г.) сообщает, что торговля у адыге и абхазцев считалась занятием „недостойным знатных“). Одним словом, торговый капитал, активизируя свою посредническую деятельность на берегах Западного Кавказа, основывался, как говорит Маркс, «на варварстве производящих народов, для

которых они (торговые города, А. Ф.) играли роль посредников» . . . (там же, стр. 231).

Из этого посреднического характера деятельности генуэзских, а затем „турецких“ купцов и вытекает свойственная береговой торговле высокая торговая прибыль. Она была тем более высока, чем менее развиты в экономическом отношении производители товаров, чем менее регулярно производство для обмена, чем реже торговые акты, чем менее налажены внешние связи, чем больше, следовательно, разница между ценами производства, чем выше эксплуатация непосредственных производителей.

«Чистая независимая торговая прибыль *prima facie* является невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, чтобы дорого продать—вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов . . .» (Капитал, III, стр. 230).

Норма прибыли береговой торговли на рынках Абхазии и Черкесии была очень высока, о чем свидетельствуют современники.

Француз **Шардэн**, посетивший побережье Абхазии в 1671 году, пишет:

«Турки получают большие барыши на товарах, которые они вывозят отсюда: то, что они покупают за 1 экую, они продают за 4 экую. Самый большой барыш они получают на торговле рабами . . .» ¹⁾

Другой путешественник — французский консул при дворе Крымского хана **Пейсонель** высказывается еще более определенно:

«Едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абхазии. О выгоды ее можно судить по самшиту, продаваемому в Константинополе по 3 пиастра за центнер, между тем, как соль, в обмен на которую приобретается это дерево, стоит в Крыму не дороже 10 пара за центнер . . .» ²⁾.

Таким образом, средняя норма прибыли колебалась около 300⁰/₀, но зачастую достигала 1000⁰/₀ и более, особенно по линии экспорта самшита и воска. Пейсонель приводит весьма показательный пример: самшит обменивался на соль вес на вес, центнер соли стоил 10 пара, а центнер самшита 120 пара (1 пиастр содержит 40 пара): следовательно, даже при учете транспортных издержек прибыль в данном случае достигает 1000⁰/₀.

¹⁾ «Voyage de m-r le chevalier Chardin en Perse, etc . . .» Paris, 1723, tome I, p. 145.

²⁾ «Traite sur le commerce de la Mer-Noire, par M. de Peyssonnel, ancien consul-général». Paris, 1787, part. II, p. 12.

Ради подобной прибыли «Турецкие» купцы, державшие в своих руках береговую торговлю, равно как и их западно-европейские собратья, способны были на любой риск, не стесняясь теми методами насилия, обмана и предательства, за которые Маркс всю деятельность торгового капитала той эпохи окрестил едким термином «система грабежа».

В одном из примечаний к знаменитой 24-й главе I тома «Капитала» Маркс приводит следующую цитату из Dunning'a:

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову; при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул, хотя бы под страхом виселицы ...»

Эта остроумная шкала роста капиталистической агрессии более всего применима к береговой торговле на побережье Абхазии и Черкесии.

Формы и характер берегового обмена скорее напоминали по своему внешнему облику военные, чем коммерческие операции. Купцы принимали активное участие в морских разбоях и феодальных набегах. Купеческие корабли ходили вооруженные пушками. Главным объектом торговли был живой человеческий товар—рабы и военнопленные.

Купец, который фигурирует на берегах Абхазии в XVI-XVIII веках, выступает без маски буржуазной «цивилизации и демократии», надеваемой обычно современным капиталистом.

Он смотрит на нас глазами, в которых откровенно горит ненасытная жажда барыша и готовность идти на любой риск, ради высокой наживы.

Он стоит перед нами с циничным оскалом хищника, с лапами эксплуататора, протянутыми к экономически неразвитым народам, стоит «источая кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» (Маркс).

Таков был типичный облик торгового капитала в эпоху его самостоятельного и свободного существования перед «утренней зарей капиталистического способа производства».

Формы и характер берегового обмена

В XVI-XVIII столетиях в Абхазии господствовали феодальные отношения с характерным для них натуральным по су-

щество хозяйством и производством продуктов в основном для собственных потребностей.

Конечно, это натуральное в целом хозяйство не могло быть абсолютно безобменным. Если обмен был слабо развит внутри страны, то тем более ярко он проявлялся во внешних сношениях, концентрируясь на побережье Черного моря в тех пунктах, куда прибывали «Турецкие» купцы, выполняя свои посреднические функции.

Береговая торговля в Абхазии в то время имела чрезвычайно оригинальный характер. **Шарден**, путешествовавший в 1671 году на одном из купеческих кораблей вдоль берегов Абхазии, яркими красками рисует картину торговых операций на побережье, непосредственным свидетелем и участником которых он был.

«От канала Палус-Меотид (Керченский пролив, А. Ф.) до Мингрелии по морскому берегу 600 миль расстояния. Это прекрасные горы, покрытые лесом и населенные черкесами... Суда направляющиеся из Константинополя и Каффы в Мингрелию, проходя мимо, бросают якорь во многих местах этих морских берегов.

Они стоят один-два дня в каждой из этих местностей и в течение этого времени можно наблюдать, как полуголые и жадные варвары со своих гор толпами обрушиваются на берег с видом разбойников. Торговать с черкесами можно только с оружием в руках. Если несколько человек из них желают взойти на судно, им дают заложников, и если кто-нибудь хочет сойти на берег, то они дают, потому что им нельзя верить. Они дают трех человек за одного...»¹⁾

В этой цитате, прежде всего, характерно великодержавно-высокомерное отношение «культурного европейца» к местным жителям—«азиатам» и «дикарям», свойственное и другим агентам Европейского капитала—**Интериано**, **Ламберти** и др. Несомненно, что взаимно местное население Кавказского побережья с таким же презрением и ненавистью относилось к приезжавшим купцам, прекрасно зная их хищнические наклонности, на горьком опыте изучив их способности к обману и надувательству.

Неудивительно поэтому, что и сам процесс обмена происходил в обстановке крайне обостренного недоверия с обеих сторон.

Описание Шардена скорее напоминает картину переговоров между двумя враждующими противниками, чем повествование о «мирных» коммерческих взаимоотношениях продавцов и покупателей.

Эта картина торговли с оружием в руках и при посредстве заложников еще раз подтверждает положение

¹⁾ Chardin, t. I, p. 118-119.

о том, что в ту эпоху торговый капитал выступал без маски лицемерной морали, обнажая свою эксплуататорскую сущность и не стараясь прикрыть основной принцип буржуазного мировоззрения—«человек человеку волк».

Далее Шардэн описывает непосредственно самый процесс обмена:

«Мена происходит таким образом. Барка с судна приближается к берегу. Все находящиеся в ней хорошо вооружены. Они позволяют приближаться к месту причала лодки только такому количеству черкесов, которое соответствовало бы их собственному числу.

Если же видят, что черкесы приближаются в большем количестве, то они уходят в море. Когда обе стороны сходятся, они показывают друг другу товары, имеющиеся для обмена, улавливаются и совершают обмен. Но все же всегда необходимо быть настороже, т. к. эти черкесы—само предательство и коварство. Не воспользоваться представляющимся случаем для грабежа выше их сил»¹⁾.

Не будем опять подчеркивать, что термины «предательство» и «коварство» применимы к купцам-спутникам Шардэна не менее, чем к черкесам.

Отметим лишь, что рассказ Шардэна о характере торговых операций на берегах Черкесии полностью может быть отнесен и к Абхазии, ибо на той же странице своей книги он отмечает:

«Абхазы не в такой мере дики, как черкесы, но у них та же природа, склонная к грабежу и разбою. Береговые сношения с ними производятся с теми же предосторожностями, что и с черкесами».

Подобный характер обмена является весьма типичным для всех экономически неразвитых стран и народов, где хозяйство в целом продолжает еще оставаться натуральным и господствуют феодальные отношения.

В Абхазии того времени обмен не был еще естественным законом хозяйственного развития и носил еще в значительной мере случайный характер. Разумеется, для приезжавших «турецких» купцов он не был случайным, в полном смысле, но однако купец не был уверен—встретит ли он в данном рыночном пункте покупателей, которым он сможет реализовать свой товар.

Береговой обмен, основанный на крайнем недоверии сторон, вечно подверженный опасности военного нападения и вооруженного захвата как товаров, так и самих продавцов, был весьма рискованным предприятием.

Как правило, обмен товаров основывался не на обмене эквивалентов по стоимости, а поэтому большое значение

¹⁾ *ibid.*, p. 119.

имели способности к надувательству и обману, кстати сказать, гораздо более развитые у приезжавших купцов, чем у местных жителей, менее опытных в торговле и обладающих более узким кругозором в отношении учета конъюнктуры цен и рыночной ситуации.

Нередко бывало, что там, где обнаруживалась невозможность совершить обмен, в виду несговорчивости или неуступчивости продавцов или покупателей, в дело неожиданно пускалось оружие и война завершала начавшуюся «мирную» торговлю.

Береговая торговля в ту эпоху не могла быть не связана с риском вооруженного нападения. Иллюстрацией этого положения может служить инцидент, очевидцем которого был тот же Шардэн, в бухте Исгаур (Искуар, Скурча), куда он заехал, вместе с купцами, прибывшими для обмена:

«19 сентября (1672 г.) вечером множество спасавшихся крестьян прошло через Исгаур, распространяя бешеную тревогу, рассказывая, что абхазы, которых Мингрельский князь призвал на помощь против турок, грабили и жгли все, уводили людей и скот, и что они уже не далеко от порта. Сейчас же каждый купец принялся нагружать в лодки все, что было возможно.

Было поздно. Суда находились на расстоянии около одной мили от берега. Можно было сделать только два рейса. Каждый из капитанов распорядился отправить на сушу по две пушки. Их расставили на улицах базара и всю ночь провели вооруженными.

Не могу выразить то сильное огорчение, в которое повергло меня такое внезапное несчастное происшествие. Я не чувствовал в себе достаточно твердости, чтобы противостать ему... 20 сентября все люди с нашего судна и с других, стоящих в бухте, возвратились на свои суда. Они предпочитали бросить шерсть, соль, фаянс и другие подобные товары, чем подвергаться опасности быть захваченными абхазами, которые были близко.

Действительно они были близко. Как раз, в 10 часов вечера мы увидели, что весь рынок пылал в огне и когда на следующее утро люди отправились туда, они не нашли там ничего, кроме пепла и остатков пожарища...»¹⁾

Подобное происшествие на Исгаурском рынке для Шардэна, очевидно, было неожиданным сюрпризом и он со свойственной французам деликатностью откровенно признается в своем страхе, но вероятно для его спутников — купцов и капитанов это не было новостью. Они всегда были готовы к такого рода инцидентам в торговых пунктах, имея на чеку оружие и даже пушки. И если, в данном случае, они вер-

¹⁾ *ibid.*, t. II. p. 6-7.

нули высаженный им вооруженный десант обратно на корабли, то наверно только потому, что из тактических соображений нашли более выгодным не принимать боя с абхазскими отрядами и «благородно ретироваться под давлением превосходных сил противника».

Нет сомнения, что будь соотношение сил более благоприятно, купцы не только сумели бы дать отпор наступавшим абхазам, но не постеснялись бы и сами перейти в контратаку, ради захвата пленных, оружия и прочей добычи.

Методы военного захвата и открытого грабежа были свойственны купцам и входили составным элементом в их коммерческую деятельность.

Правда, они сами также подвергались нередко нападению морских пиратов, чаще всего организуемых местными Абхазскими феодалами-князьями и дворянами приморских районов. Об этих пиратах упоминает и **Интерьяно**¹⁾, и **Ламберти**²⁾ и **Шардэн**, и другие путешественники.

Более подробно на этом вопросе останавливается **Дюбуа** посетивший Черноморское побережье уже в начале XIX века, но еще лично встречавший эпигонов морского бандитизма.

В первом томе своей книги³⁾ он говорит:

„Я часто имел возможность наблюдать черкесские галеры пиратов... Галеры эти теперь большего размера и вмещают обычно большее количество людей по 60-70 человек каждая. Они идут на веслах, скользя вдоль берегов, чтобы не быть замеченными. (Эти галеры называются по черкесски „Кафа“ или „Куафа“, а также „камара“, по абхазски „Ахба“ (вернее аоѡба... А. Ф.) Порт Мамай знаменитый еще и в древности своими пиратами, до сих пор служит центром черкесских корсаров“ (р. 142—143).

Далее Дюбуа подробно рассказывает о том, как на его глазах вблизи Кодорского мыса небольшое торговое судно подверглось нападению на море со стороны двух пиратских галер, при чем, до прихода на помощь русского сторожевого военного судна из Сухума, пираты успели захватить бочку вина и 30 рублей серебром.

По словам Дюбуа, пираты эти были бомборские абхазы, имевшие предводителями «трех князей из окрестно-

¹⁾ Giordio Interiano—„Della vita de Zychi chiamati Circasi“, Venetia, 1583.

²⁾ Relation della Colchide noggi detta Mengrellia, etc“ ... Del p. d. Archangelo Lamberti, In Napoli, 1654.

³⁾ Dubois de Montpéroux Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesse et les abkhases, etc... Paris, 1839.

стей Соук-Су (Лыхны)», друзей владельца Абхазии Михаила Чачба (р. 299—300).

Следовательно, не только самый процесс берегового обмена, но и плавание вдоль берегов Абхазии представлялось чрезвычайно рискованным делом. Только высокая норма прибыли заставляла купцов пробиваться через эти опасные препятствия, и наоборот, последние, в свою очередь, обуславливали высокую торговую прибыль.

«Эта первоначальная норма прибыли была по необходимости очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия ... Прибыль, следовательно, должна была включать высокую премию за риск предприятия ... (Ф. Энгельс—«Закон ценности и норма прибыли», см. сб. Изложение 4-х томов «Капитала», изд. «Буревестник», 1924, стр. 293—294).

Высокая прибыль заставляла итти на риск—большой риск повышал норму прибыли.

В этом была своеобразная диалектика берегового обмена.

Предметы береговой торговли

Объектами берегового обмена были в первую очередь те товары, которые имели высокую потребительскую стоимость для населения Абхазии в целом (соль) и ее феодальной верхушки (оружие, ценные ткани) с одной стороны, а с другой товары, предоставляющие наибольшую торговую прибыль для купцов-посредников.

Главными импортными товарами были: соль, оружие и металлические изделия, а также тонкие полотна, ситцы, сукна, сафьян и выделанные крашеные кожи.

Важнейшую статью экспорта составляло сырье, в первую очередь—лес, пушнина, воск.

Особое место занимала работорговля, о которой будет сказано ниже. Рабы несомненно служили главным предметом экспорта.

Кроме, того с берегов Абхазии вывозили, шелк, льняную пряжу и грубые полотна, льняное семя, шкуры, быков, куниц, бобров, самшит, воск и мед. (Шардэн, стр. 119).

Шардэн подробно останавливается на меде, отмечая его исключительные качества:

«Мед бывает двух сортов: желто-красный и белый, белого имеется в меньшем количестве, чем другого сорта, но он гораздо лучше и слаще—рафинированный сахар не

может быть слаще: это продукт очень тонкого вкуса, он тверд на зубах.

Кроме домашнего меда, есть мед дикий, который находится в дуплах и щелях деревьев, он имеется в большом изобилии. Суда из Каффы везут его в Татарию, где из него и зерна приготавливают очень крепкий напиток...» (указ. соч., стр. 145).

В другом месте Шардэн отмечает еще, как экспортный товар, «шкуры ланей и тигров...» (олений и барсов, Л. Ф.)

Пейсонель на первое место среди экспортных товаров выдвигает самшит, «который обменивается на соль, вес на вес, так что груз соли дает груз самшита...» Кроме самшита, Пейсонель подчеркивает экспорт воска, которого по его словам, «из Абхазии вывозится громадное количество по очень выгодной и крайне низкой цене... воск продается неочищенным и при очистке его около 20% идет на убыль», но тем не менее сам Пейсонель лично встречал купцов, разбогатевших исключительно на Абхазском воске.

Дюбуа также много говорит в первую очередь о самшите и вообще об эксплуатации лесосырья. Он указывает:

«Нет страны более богатой лесом, чем Абхазия. Лес можно получать везде на побережье, начиная от Сухума до устья Ингура, в особенности за мысом Искурия и в Илори. Кроме самых обыкновенных пород—дуба, граба, бука, ели и сосны, там имеются великолепные ясени, громадные тисовые деревья с древесиной красного цвета, необыкновенных размеров грушевые деревья, самшит, каштаны и пр...» (указ. сочин., стр. 289).

Дюбуа особо подчеркивает прекрасные качества абхазского самшита, отмечая, что и в его время

«самшит попрежнему один из главных предметов торговли Абхазии и нигде нельзя найти такого прекрасного самшита и по такой дешевой цене. Самшит растет, как я уже говорил, до самого берега моря, в лесах у Бомбора, но лучший находится в ущельях внутри страны и у подножья гор...»

И во времена Дюбуа (начало XIX века) самшит продавался на вес и, по преимуществу, обменивался на соль. Однако, соотношение уже было иное:

«Самшит обменивают из расчета 30 фунтов соли за центнер самшита, который абхазы доставляют на берег моря, где его взвешивают...» (там же, стр. 271).

Таким образом, если в XVII-XVIII веках самшит обменивался на соль из расчета 1:1, то в начале XIX века эта пропорция составляла уже 1:8 в пользу соли.

Это объясняется с одной стороны—падением цены на самшит, вследствие интенсивной эксплуатации его массивов,

с другой—ограниченным в результате военных действий русского флота импортом крымской соли.

Кроме вышеперечисленных предметов экспорта, с берегов Абхазии вывозилась в незначительном количестве серебряно-свинцовая руда, а позднее, к концу XVIII века, из южной Абхазии начался вывоз кукурузы.

Работоторговля

Центральное место в береговом обмене занимала работоторговля на протяжении ряда столетий. При этом, с течением времени ее значение не только не ослабевало, а наоборот, возрастало, вплоть до середины XIX века, когда на побережье Черного моря утвердил свою монополию Российский торговый капитал, не заинтересованный в этой отрасли торговли. Эта незаинтересованность объяснялась, конечно, не моральными побуждениями, а просто-напросто в силу того, что российский купец обслуживал сначала—потребности крепостнического хозяйства русских помещиков, не нуждавшихся в рабском труде, стремившихся и своих рабов (холопов) посадить на землю да еще и перевести на оброк, а затем—потребности нарождавшейся национальной индустрии, основанной на вольнонаемном труде.

Особенный расцвет работоторговля приобрела на восточном побережье Черного моря как-раз в эпоху Турецкого протектората, ибо посредническая деятельность торгового капитала, оперировавшего на Черноморских рынках, базировалась именно на производстве такого рода и таких стран, где труд рабов играл значительную роль.

«Полуфеодальное» хозяйство Ближнего Востока (Египет, Сирия, Турция, Персия) и Крыма в огромном количестве поглощало труд рабов, на ряду с крепостнической эксплуатацией крестьянства.

Рабы обрабатывали поля, плантации и сады Малой Азии, Румелии, Египта.

Рабы добывали соль в Крыму, мрамор в Карраре, железо и медь.

Рабы служили гребцами на купеческих фелюгах и военных галерах, бороздивших волны Средиземноморья.

Рабы строили величественные дворцы и мечети Стамбула, мосты, дороги, военные бастионы, окаймлявшие рубежи обширной Оттоманской империи.

Рабы грузили торговые корабли на пристанях Александрии, Каффы, Смирны, Стамбула.

Рабы охраняли серали пашей, служили домашней прислугой в домах феодально-бюрократической знати, а избранные красавицы-рабыни нередко попадали в гаремы сул-

танов и его сатрапов, пополняя контингент их многочисленных жен и наложниц.

По словам Шардэна, ежегодно с берегов Абхазии и Черкесии вывозилось до **12.000** рабов.

Исключительное преобладание работорговли в системе берегового обмена объясняется также и тем, что она более, чем какая-либо другая отрасль торговли, соответствовала структуре натурального хозяйства феодальной Абхазии не только не подрывая, но наоборот, укрепляя его устои, покоящиеся на внеэкономическом принуждении, на бесправии трудового народа и произволе эксплуататоров.

Маркс отмечал, что система рабства всегда сохраняет элементы натурального хозяйства, потому, что «самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы посредством войны, морского разбоя, и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения»... («Капитал», том II, стр. 349).

Работорговля в Абхазии имела глубокие исторические корни, залегающие еще в вассальных отношениях Абхазских племен в эпоху античной колонизации, которые обязывались завоевателями данью в размере нескольких десятков, а то и сотен рабов.

Дюбуа справедливо замечает:

«Во все времена древняя Зихия, нынешние берега Черкесии и Абхазии, была рынком рабов: это продолжается уже многие тысячи лет. Можно сказать, что миллионы жителей были таким образом проданы и увезены в другие страны. Страбон, Прокопий, Интериано и все современные авторы говорят о торговле рабами». (Указ. соч., стр. 124).

Источником работорговли были феодальные набеги и войны. Военнопленных приводили к пунктам берегового обмена, где и продавали «турецким» купцам. Проданный в рабство пленный не только лишался всех социально-политических прав, но и терял элементарное человеческое достоинство.

Купец рассматривал раба, как вещь, на покупку которой он затратил определенные средства с надеждой извлечь высокую прибыль.

Положение рабов на купеческом корабле приводило в содрогание даже современников, в достаточной мере привыкших к жестоким и диким нравам эпохи.

Шардэн очень ярко передает свои впечатления о пребывании на торговом судне, груженном рабами, закупленными в бухте Исфаур:

Я был вне себя от радости, когда почувствовал, что нахожусь за пределами корабля, смрад которого я не в

силах был более испытывать, а также видеть ту жизнь и ту низость, которая имела там место.

Каждый вечер заковывали в цепи мужчин по двое, а также и мальчиков. По утрам с них снимали цепи.

Этот звон, производимый цепями, лишал меня возможности покоя и это событие повергало меня всегда в печаль.

По утрам мы всегда могли видеть неизбежные огни на берегу. Это был сигнал о том, что там находились люди, которые привели рабов для продажи или имели другие товары. Туда посылали лодку и те, что хотели взойти на судно, садились в лодку со своим товаром, входили на борт судна и производили свое торжище.

На нашем корабле было 40 рабов в то время, как я покинул его. Капитан, купцы—турки и христиане обменивали их на оружие, одежду и другие товары. Они давали то, что у них спрашивали, но считали вдвое дороже, чем им стоило самим. Мужчины от 25 до 40 лет обходились им только в 15 экю. Красивые девушки от 13 до 18 лет—20 экю, другие дешевле, женщины—12 экю, дети—от 3-х до 4 экю.

Один греческий купец, каюта которого была рядом с моей, купил женщину с грудным ребенком за 12 экю. Женщине было не более 25 лет, черты лица ее были восхитительной красоты и кожа цвета подлинной лилии. Я никогда не видал более прекрасных закругленных грудей и такой нежной кожи. Эта прекрасная женщина вызывала во мне одновременно и желание, и сострадание к себе.

Что более всего приводило меня в изумление, это то обстоятельство, что эти несчастные существа не были подавленными и не чувствовали всего несчастья своего положения.

Как только их покупали, с них снимали лохмотья, которыми они были прикрыты. На них надевали новую одежду и заставляли работать. Мужчин и мальчиков заставляли исполнять работы на судах, женщин и девочек заниматься шитьем . . . принуждая к работе ударами палки . (Указ. соч., стр. 12).

Цены на рабов, указанные Шардэном, несомненно можно принять, как весьма ориентировочные, ибо они были подвержены сильным колебаниям.

Пейсонель по этому поводу высказывается гораздо более осторожно:

«Рабы представляют собою товар, цену которого определить невозможно, т. к. между ними встречаются люди всех возрастов, начиная с детского до самого дряхлого.

Различные цели, для которых они предназначаются, пол, красота, возраст, стройность, способности, физическая сила, состояние здоровья, играют очень важную роль при определении стоимости рабов.

Вообще их ценность колеблется от 60 до 5.000 пиастров» (указ. сочин., стр. 177).

Однако, можно констатировать, что подростки, молодые юноши и девушки ценились дороже, чем остальные.

На всем побережье Абхазии подросток 10-12 лет в 5-6 четвертей ¹⁾ ростом служил мерилom стоимости, что оправдывает замечание Маркса о том, что «люди нередко превращали самого человека, в образе раба, в первоначальный денежный материал (Капитал, I, стр. 45).

Береговая торговля, чаще всего имевшая характер случайного натурального обмена, характеризовалась тем, что стоимость какого угодно товара легко воплощалась в стоимости любого другого товара.

Шардэн указывает:

«Вся торговля происходит путем обмена на базарах, которые бывают поочередно на той и другой стороне, где запасаются всем необходимым, дают товар за товар. Деньги не имеют определенной стоимости. Деньги, имеющие здесь обращение, суть пиастры, голландские экю и абассы, которые представляют собой монеты, сделанные в Грузии, но персидской чеканки» . . . (там же, стр. 145).

В этих условиях, при неразвитых формах обмена, на фоне процветающей работорговли, естественно, главным претендентом на роль всеобщего эквивалента могли быть рабы.

По мере развития, замкнутого в определенные локальные границы, берегового обмена рабы и выделились, как «специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма» (Маркс).

Подросток в 5-6 четвертей ростом, называемый по-абхазски «худза-фыдза», стал функционировать, как денежная единица, служа разменной монетой.

Один «худза-фыдза» приравнивался по стоимости одной верховой лошади или 10-15 быкам. Прочие товары также расценивались, исходя из этой единицы измерения. За одного «худза-фыдза» можно было получить взрослого мужчину плюс пару быков или другой «привесок».

Если процесс обмена происходил даже без непосредственного участия «худза-фыдза», то во всяком случае он оставался мерилom стоимости заочно: «это ружье стоит два «худза-фыдза» — как же ты предлагаешь мне за него всего 15 быков»...

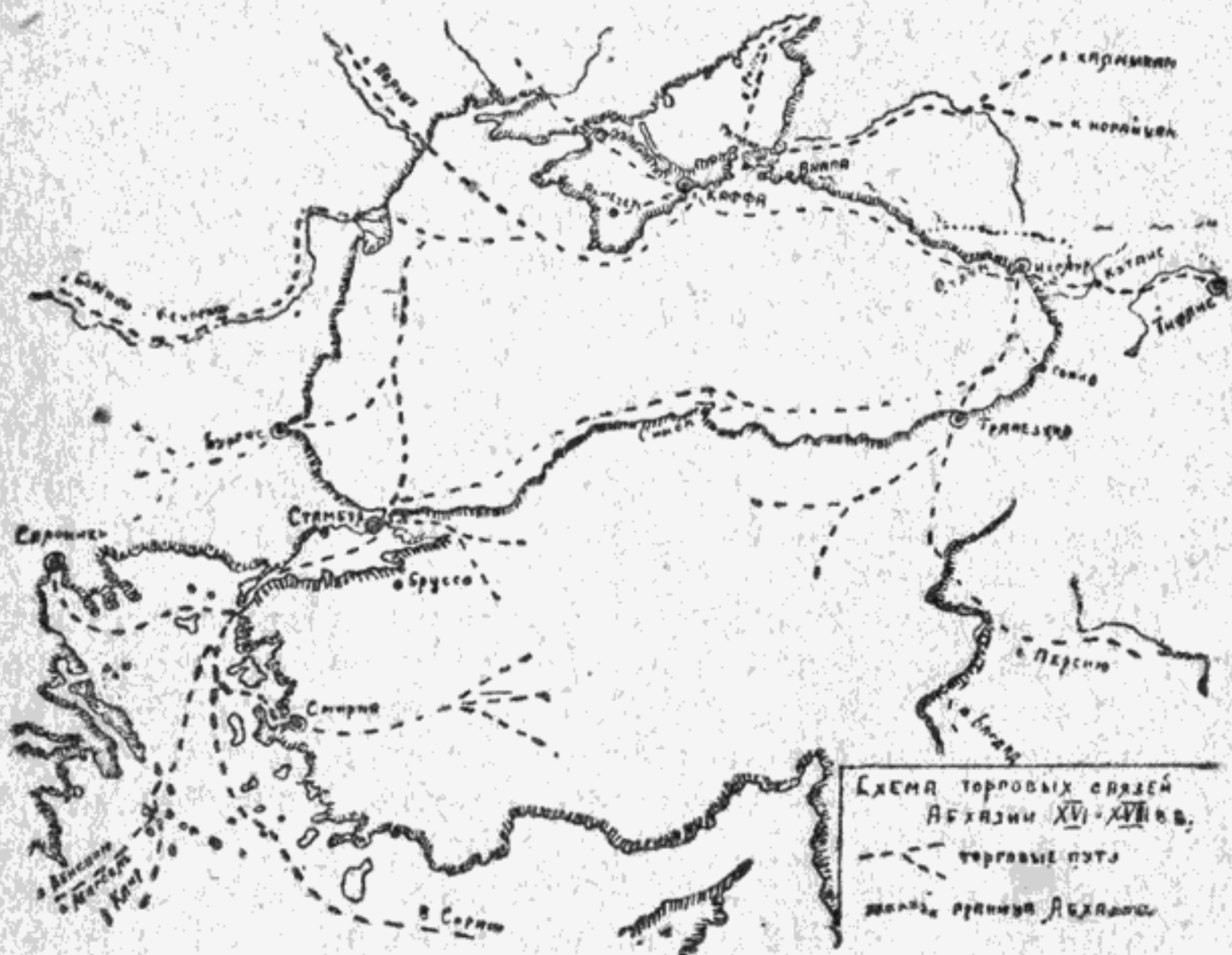
Но «худза-фыдза» по своей природе не был особенно удобен для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, не обладая необходимыми для этого качествами неизменяемости, прочности, однородности, делимости, пор-

¹⁾ по-аб... „ахиэза-фэза“,

тативности, почему роль всеобщего эквивалента у него оспаривал скот, а впоследствии еще более успешно—металлические деньги.

Пути и центры береговой торговли

Береговая торговля Абхазии не была двусторонней торговлей наподобие эллинской или римской, она не связывала экономику Абхазии с каким-либо определенным районом.

Эта торговля была преимущественно посреднической, а значит обслуживала самые разнообразные местности, зачастую весьма удаленные от Абхазии, которая представляла как бы узел перекрещивающихся торговых путей.

Береговые связи были чрезвычайно нерегулярны, часто порывались, благодаря постороннему воздействию, но все же можно проследить те тонкие нити, что связывали побережье Абхазии посредством берегового обмена с далекими заморскими странами. Паутина посреднической деятельности черноморских купцов захватывала рынки, на первый взгляд ничем не связанные между собой и на береговых базарах Абхазии можно было встретить товары не только со всего Ближнего Востока, но и почти со всей Европы.

Береговые рынки Абхазии в то время открывали свои ворота на Запад, огораживаясь с Востока стеной враждебного равнодушия.

Восток был недвижим.

За Главным Кавказским хребтом лежали мелкие раздробленные владения черкесских и кабардинских феодалов, бесконечно враждующих между собой и с абхазами, перегородивших рогатками феодального произвола бывшие транзитные тропы на Северный Кавказ, поджидающих у подножья перевалов, когда откроется возможность пограбить и похитить, напасть, уничтожить.

На юго-восток от Абхазии расстилались долины Риона и Куры, где звенели когда то мечи воинов Баграта, Давида, Тамары, где когда то один за другим двигались торговые караваны через цветущие селения, ярмарки и города. Но теперь, в XVI-XVII веках, эти долины опустели, мечи знаменитых абхазо-картвельских полководцев давно ржавели в могилах, караванные пути заросли сорняками феодальных междоусобиц владетелей карликовых государств — лоскутков могущественной в прошлом Грузии.

Западная Грузия, через которую проходили когда-то великие торговые пути из Персии в Византию, в результате падения последней в конце XV века, подверглась полному экономическому оскудению.

Шардэн отмечает, что Кутаис — еще недавно оживленный, цветущий город, важный торговый центр, славившийся своими богатыми ярмарками и обширными базарами в 1673 году едва насчитывал 200 дымов населения, превратившись в большую деревню, хотя он и оставался столицей Имеретии.

С востока ждать было нечего, кроме дыма горевших селений, запаха тления и трупного смрада.

А в то же время с Запада все чаще прибывали купеческие корабли под турецким флагом, на Западе раскрылись еще неведомые, но широкие экономические горизонты, оттуда долетали до берегов Абхазии атлантические ветры и сквозь дымку морского тумана мерещились силуэты испанских каравелл, покоривших океан, чтобы достичь полу-легендарного Нового Света и завоевать сказочные богатства неизведанной страны, открытой предприимчивым генуэзцем Христофором Колумбом.

Ворота береговых Абхазских рынков все шире открывались на Запад.

Купеческие корабли к берегам Абхазии шли по двум основным направлениям: из Каффы вдоль берегов Черкесии и из Стамбула через Синоп — Трапезунд вдоль азиатского побережья.

Но Стамбул и Каффа не были отправными точками. Это были передаточные пункты, крупные транзитные узлы, а нити торговых связей тянулись дальше.

В Каффе перекрещивались пути из Акмечети, Бахчисарая и остальных центров Крымского ханства. Из Каффы протягивались нити посреднической торговли: через Тамань в ногайские и калмыцкие степи, на Волгу, по Дону — в Россию, через Молдавию — в Польшу, по Дунаю через Валахию и Венгрию до Богемии и Германии, через Бургас — в Балканские страны.

В Стамбуле бухта Золотого рога кишела торговыми судами, сновавшими меж островов Мраморного и Эгейского моря, приходящими с голубых средиземноморских просторов. Сюда тянулись широкие водные дороги из Смирны и Салоник, с берегов Сирии (Бейрут и Яффа), из Каира и Александрии, из Венеции и Марселя, Албании, Далмации и Туниса, протоптанные караванные пути из глубин Малой Азии и с Балканского полуострова.

На Стамбульскую магистраль выходили у берегов Анатолии купеческие корабли из Трапезунда, Синопа и Гониэ, принимавшие на борт товары, шедшие по вьючным тропам из Месопотамии и Персии.

Через Каффу к берегам Абхазии направлялась Крымская соль, оружие и металлические изделия из Богемии и Германии, из Стамбула шли сафьян и крашеные кожи, смирнские пряности (инжир, перец, инбир) и благовония, сирийское оружие (дамасская сталь), казанлыкское розовое масло, ямбольские ткани, каирские полотна, французский порох, венецианское стекло и пр.

В Трапезунде и Синопе к этому грузопотоку присоединялись персидские ситцы, ковры и шелка, дорогие восточные сукна.

Вот каким разнообразием товарного ассортимента блистала береговая торговля.

Между тем, объем товарооборота и размеры береговых рынков находились в явном противоречии с качественным разнообразием товарных потоков. Насколько богат был ассортимент товаров, настолько относительно беден был объем коммерческих операций.

Центрами берегового обмена являлись обычно небольшие бухты или чаще всего устья рек. Обширные бухты, как, например, Сухумская, не удовлетворяли требованиям тогдашнего мореплавания, ибо скромные парусные или гребные суда не находили гарантий безопасных стоянок на таких открытых и просторных рейдах.

Но небольших закрытых бухт на побережье Абхазии почти не было, так же береговая линия, как известно,

изрезана весьма слабо. Вот почему купеческие галеры отдавали предпочтение устьям рек, которые были удобны еще и потому, что речные долины и ущелья представляли собой естественные транзитные проходы вглубь страны, чем ускорялся самый процесс обмена на береговых торговых местах.

Несмотря на то, что встреча приезжавших купцов с местным населением и каждый отдельный факт обмена товаров на берегу были сами по себе явлением на первый взгляд случайным, тем не менее повторение этих случаев и накопление опыта в обращении товаров, в итоге локализовало береговой обмен в определенных территориальных пунктах.

В XVI-XVIII столетиях на побережье Абхазии крупнейшим рынком был Исфаур (Искурия, Скурча), который Арканджело Ламберти прямо называет «туркче эмпориум», что значит «большой турецкий базар». Этот рынок был расположен на Восток от кодорского мыса на берегу небольшой бухты, соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту.

Еще и сейчас, в наши дни, пароходы, которые грузят лес на рейде у Кодорского завода Аблестреста, в случае внезапного шторма укрываются в тихой и защищенной скурчинской бухте. В те же времена, когда техника мореплавания в меньшей степени могла противостоять капризам и коварству Черного моря, естественные данные маленькой, тесной для современных теплоходов, но достаточно

вместительной для парусных фелюг и галер, хорошо защищенной Скурчинской бухты были весьма благоприятны для стоянки торговых судов.

Кроме того, выдвигению Исфаурского рынка способствовало и то обстоятельство, что он служил конечным пунктом важнейшего для Абхазии транзитного торгового пути по реке Кодор через Цебельдинское плоскогорье и урочище Дал к Марухскому и Клухорскому перевалам и дальше—на Северный Кавказ, в долины Зеленчука и Теберды.

Значение этого пути очень образно подчеркивает Дюбуа, говоря:

«Ущелье Марух—один из древнейших путей сообщения Кавказа: через этот путь, большей частью, распространялась цивилизация с одного склона (Главного хребта) на другой и производилась торговля. Некогда Абхазия, окаймленная греческими колониями, цветущая подобно саду, благодаря развитой торговле, покрытая городами, замками, церквями, являлась самым драгоценным камнем в короне королей Грузии, и в то время Цебельда была ее Симплом...» (Указ. соч., стр. 320)

Наконец, не исключена возможность, что росту значения Исфаура содействовала и историческая традиция. Если допустить, а это самый вероятный вариант, что на берегу Скурчинской бухты в свое время процветала знаменитая Диоскурия, то несомненно надо учесть историческую преемственность в отношении выбора места для рынков, которую итальянские и «турецкие» купцы получили от своих византийских и античных предшественников.

Что же представлял из себя Исфаур, этот важнейший центр берегового обмена в Абхазии?

Шардэн, посетивший его в 1672 г., дает довольно полную картину.

«10 сентября мы прибыли в Исфаур... Там находилось 7 больших судов. Прежде всего, наш капитан поставил свое судно на 4 якоря—по два на носу и на корме, и сложил на суше мачты и снасти.

Исфаур—пустынное место, без жилья. По мере того, как приезжают купцы, там строятся хижины из ветвей деревьев, в том случае, если считают себя в безопасности от абхазов, что бывает редко...» (указ. соч., стр. 119)

Далее Шардэн снова возвращается к описанию Исфаура.

«Как только наше судно вошло в бухту Исфаура, я сошел на берег, вместе с купцом греком, меня сопровождавшим. Я надеялся увидеть там дома и найти немного продуктов, и какую-либо помощь; эта надежда имела основа-

ние, т. к. я видел семь судов в порту, но я был очень обманут в своих ожиданиях—ничего этого я не нашел.

Берег Исгаура весь покрыт лесом. (Недалеко) от берега имеется площадь в 250 (метров) длины и 50 ширины. Это — большой рынок. Там есть одна улица, имеющая с каждой стороны сотню маленьких хижин, сплетенных из ветвей деревьев. Каждый торговец берет себе одну из этих хижин. Они проводят там ночь, но держат в лавке только те предметы, которые могут быть проданы в течение 2-3 дней.

Купленные вещи, а также и те, которые нельзя надеяться продать быстро, сохраняются на судне, вследствие недостаточной безопасности на суше. На рынке не было ничего другого, а также не видно было ни одного (жилого) дома. Я был крайне изумлен и огорчен, не найдя там никакой провизии, (между тем как) наша собственная уже приходила к концу, и увидев там закованных в цепи рабов и с дюжину оборванцев с луками и стрелами в руках, возбуждавших страх...» (там же, стр. 3-4).

Описание Шардэна подтверждает и Пеёсонель, видевший Исгаур 80 лет спустя в 1750-х годах.

«Открытая бухта, не безопасная для стоянки больших судов. Здесь нет ни города, ни деревни, но множество отдельных домов рассеяно на 3-4 мили в окружности» (Т. II, с. 8-10).

Таков был Исгаур—самый крупный центр берегового обмена. Остальные пункты причала и стоянки торговых судов на побережье Абхазии еще менее напоминали рынки обычного ородского типа.

Устья рек Гудава, Дгамыш, Келасури, Бомборская и Пицундская бухты не имели на своих берегах крупных поселений. Меркульский и Илорский базары скорее служили местами для сельских ярмарок.

Там не менее, эти пункты с течением времени сделались обычным убежищем для купеческих кораблей и находились под наблюдением со стороны жителей окрестных селений, которые распространяли весть о прибытии купца вглубь страны, вызывая на побережье всех имеющих потребность в обмене.

Годобный внешний вид центров берегового обмена полностью соответствовал его содержанию и структуре.

Береговая торговля Абхазии определялась, главным образом, посреднической деятельностью «турецкого» торгового капитала.

Купец, плававший под турецким флагом и пользовавшийся его защитой, откупаясь пошлинами и налоговым сбором, легко приобретал право свободных операций на

побережье с целью личной наживы и добычи тысячепроцентной прибыли.

Турецкая колонизация не преследовала цель иммиграции в Абхазию избыточного населения из метрополии в противоположность хотя бы античной колонизации, когда колонисты прочно оседали на побережье.

Турецкая колонизация не подрывала основы феодального способа производства, который продолжал господствовать в Абхазии.

Турция прежде всего стремилась обеспечить свою идейно-политическую гегемонию, подкрепляя свой протекторат организацией военных форпостов и пропагандой ислама, довольствуясь получением дани и монополией в посреднической торговле, предоставлявшей рабочую силу (рабы) и сырье (самшит, пушнина, и пр.), а также служившей добавочным источником доходов для государственной казны (пошлины и сборы).

Эти особенности турецкой колонизации, определявшие и характер посреднической торговли этой эпохи, являлись прямым следствием специфичности той общественно-экономической формации, которая господствовала в Турции и которую Энгельс метко окрестил термином „полу-феодализм“. (Письмо Марксу от 22 дек. 1882 г.).

Эта особая разновидность феодализма характеризовалась тем, что частная собственность на землю в значительной степени была „сконцентрирована в национальном масштабе“ и государство выступало, как собирательный тип феодального эксплуататора.

Турция отличалась чрезвычайно сильной централизацией государственной власти, при чем эта централизация по преимуществу находила базу именно в транзитной торговле.

Исходя из такого характера колонизации, турецкие опорные пункты на берегах Абхазии — Сухум-Калэ и Бала-Даг (Гагры) до последнего времени имели характер только военных форпостов и хотя оберегали монополию «турецких» купцов, но сами не являлись сколько-нибудь значительными центрами береговой торговли.

По словам Пейсонеля в середине XVIII века Сухум, основанный турками в 1578 году, представлял из себя

«небольшой городок, расположенный в бухте, куда пристают суда всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3.000 жителей, больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря.

Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками, гарнизон состоит

из янычар под командой двухбунчужного паши...» (указ. соч., стр. 8-9).

К концу XVIII века значение Сухума для береговой торговли возросло, в связи с тем, что он стал резиденцией Абхазских владетелей, население увеличилось до 6.000 человек, базар расширился и город принял довольно благоустроенный вид. Но это был весьма кратковременный период в истории города, ибо в 1810 году он был разрушен до тла русской артиллерией и предан мерзости запустения.

Маленькая Гагринская крепость была разумеется еще меньше похожа на торговый центр и кроме нескольких хижин не имела близ своих стен никаких поселений.

Подводя итоги, приходится констатировать, что в XVI-XVIII столетиях в эпоху турецкого протектората центры береговой торговли по своему внешнему облику, по величине товарооборота и населенности значительно уступали торговым центрам эпохи Генуэзской, Византийской и античной колонизации на берегах Абхазии.

И не удивительно, что после сравнительного обзора их, Дюбуа патетически восклицает:

«Какая разница между этой бедной, несчастной Абхазией наших дней (20-е годы XIX века, А. Ф.) и той блистательной гирляндой греческих колоний, которые окаймляли ее берега в былые времена...» (указ. соч., стр. 263).

Разница была действительно огромная и настолько же различно было влияние берегового обмена этих двух эпох на внутреннюю социально-экономическую структуру Абхазии.

II. Влияние береговой торговли на эволюцию Абхазского феодализма

Замедленное развитие производительных сил феодальной Абхазии

Античная колонизация побережья Абхазии была результатом расширенного воспроизводства рабовладельческой системы хозяйства, представляя с одной стороны—источник добывания рабов и сырья, с другой—средство для освобождения метрополии (Эллада и Рим) от избыточного населения.

Милетские переселенцы, основавшие еще в VII веке до нашей эры Диоскурию, Питиус, Гераклею и др. античные колонии на побережье Абхазии, были не только земледельцами. Они вели оживленную торговлю с местными племенами—аборигенами Абхазии. Нет никакого сомнения

в том, что первые же попытки развернуть обмен с местными жителями не могли не стимулировать разложение родовой общины и развитие института рабства у абхазо-адыгейских племен.

Военнопленный,—который еще недавно для абхазской родовой общины («ажьла») был бесполезен,—поскольку он становится товаром, превращается в раба.

Разумеется, было бы ошибкой считать античную колонизацию и возникающую на ее основе торговлю основной причиной разложения абхазского рода и появления рабства. Это был могучий стимул, но основу процесса составляло, конечно, развитие производительных сил внутри самого родового хозяйства: расширение пастбищ и расцвет эйлажного скотоводства, появление возделываемых полей и рост земледелия, эволюция металлической техники (переход от бронзы к железу) и оседание бродячих и кочующих родовых групп.

Но, так или иначе, в Абхазии береговая торговля в эпоху античной черноморской колонизации способствовала развитию внутренних связей (обмен и военные столкновения с целью захвата рабов и скота) и переходу от родовой общины (ажьла) к сельской общине (акыта), в которой намечается уже социальное расслоение свободных производителей по имущественному признаку.

Однако, античная торговля, стимулируя развитие общественных отношений в Абхазии, одновременно и тормозила нормальный ход развития производительных сил в силу того, что самый производительный район страны береговая холмистая полоса, удобная для земледелия и для образования племенных сообществ, была недоступна абхамам, будучи захвачена колонизаторами.

Это диалектическое противоречие, которое содержалось во влиянии, оказываемом античной колонизацией и торговлей на процессы внутренней эволюции родового строя в Абхазии, приводило, само собой, ко враждебным конфликтам между растущими абхазскими племенами и хищными эллинскими колониями.

Римлянам приходилось держать на побережье уже более сильные военные гарнизоны для защиты береговых колоний и берегового обмена. Целый ряд данных свидетельствует о том, что местные племена не боялись нападать даже на такие крупные и хорошо укрепленные колонии, как Питиус (Пицунда) и др.

Местное население втягивалось античными колонизаторами в сферу грандиозных по масштабу военных действий, ареной которых нередко служило побережье Черного моря, в том числе и Абхазия.

Войны Рима с Митридатом, когда в Диоскурию явился знаменитый Помпей со своими войсками, войны Рима с Персией, пламя которых озарило зловещим заревом берега Лазистана и Абхазии, многовековая борьба Византии с Персией и арабами, — все это не могло не стимулировать образование во внутренней Абхазии племенных союзов, при чем первое время эти племена выступали на стороне одного (Рим, Византия) или другого (Персия) лагеря, а позднее, окрепнув и находя удобный момент, начинали действовать самостоятельно и независимо.

Эти войны, имевшие в то время перманентный характер, содействовали выделению социальной верхушки сельских общин, охваченных глубоким процессом экономического расслоения.

Но не менее, чем военные действия, усилению господствующей верхушки родовых старейшин *) и племенных вождей **) способствовал развивающийся береговой обмен.

Вожди и их приближенные — будущие феодалы ***) получали львиную долю добычи в результате военных набегов, которые обычно оканчивались не только уничтожением „войска“ противника, но и захватом в плен и ограблением „мирного“ населения, ибо дифференциации на фронт и тыл войны той эпохи не знали. Следовательно, вожди, обладая большим количеством награбленных ценностей (рабы, скот и пр.) могли чаще выступать на берегу в качестве партнеров колониальных купцов. А кроме того, предметом их коммерческих операций служили частично и те продукты, которые победители обычно получали в результате применения простейшей формы внеэкономического принуждения — дани.

Таким образом, очевидно, что античная торговля на побережье оказывала известное влияние на формирование внутри свободных прежде абхазских сельских общин социальной прослойки будущих феодалов.

Торговый капитал античного мира, а впоследствии Византии, неоднократно содействовал возникновению, в значительной мере эфемерных, племенных „государств“ на берегах Черного моря, используя их, как военно-политический буфер. Примером может служить выдвижение Лазики в V-VI веках нашей эры, при чем один из лазских вождей Губаз подчинил своему влиянию и Абхазию.

Когда в VII-VIII веках абхазские племена, консолидируясь в борьбе с византийскими колонизаторами, выдвига-

*) ajla-aixabə

**) apəza

***) atauadi-aməstei

ются на Западном Кавказе, как мощная военно-политическая сила, торговый капитал Византии, быстро примирившись с потерей черноморских колоний, спешит использовать абхазо-картвельский племенной союз, как заслон против арабского нашествия. Абхазские кони, топот которых слышался в долинах Риона и Куры и даже в азербайджанских степях, протапывали пути для византийских купеческих караванов, движущихся на Восток.

История развивается в противоречиях. Влияние торгового капитала, первоначально содействовавшее выдвиганию племенных вождей-родоначальников будущего класса феодалов, в X веке порождает противоположную антифеодальную тенденцию: верховные руководители Абхазо-Картвельского государства, резиденцией которых становится пункт пересечения важнейших торговых путей (Мцхет-Тифлис), опираясь на торговые элементы и церковь пытаются создать мощное централизованное государство с развитой бюрократией, единой финансовой системой и наемной армией, подавляя сопротивление феодалов. Это была „золотая эпоха“ истории Западного Закавказья — эпоха Баграта, Давида и Тамары.

Однако, когда в результате жестокого экономического кризиса, вызванного нашествием монголов и захватом Византии „крестоносцами“, огромное по масштабу, но не прочное по своей внутренней структуре, государство Тамары разлагается и феодализируется, то Абхазия превращается в типичное феодальное захолустье—владение „эриставов“ Шервашидзе-Чачба.

Феодальный способ производства и возникающие на его основе общественные отношения расцветают в Абхазии к XIII веку, т.-е. как-раз в тот период, когда Византийская торговля на Черном море почти совершенно сходит на-нет, а генуэзская колонизация на побережье еще не достигла своего расцвета.

Именно в этот период смены колониционных влияний (византийского и генуэзского) на побережье и соответствующего ослабления берегового обмена, в Абхазии укрепляется такая система производственных отношений, базирующихся на господстве „мелкого земледелия с его подсобной домашней промышленностью“ (Маркс), которая, в условиях феодальных методов присвоения прибавочного продукта и децентрализации государственной власти, ведет к натуральной замкнутости хозяйства и политической изоляции страны.

Специфика развития феодализма в Абхазии заключалась в замедленном темпе роста производительных сил, в отсутствии ярко выраженного отделения ремесла от земледелия, в отсутствии рынков городского типа, в живу-

чести элементов родового строя, сохранившихся в системе феодальных отношений.

Эти специфические черты в значительной мере являлись продуктом воздействия береговой торговли и береговой колонизации.

В I части настоящей работы достаточно выяснен характер деятельности генуэзского, а в особенности „турецкого“ торгового капитала на побережье Абхазии.

Береговая торговля была прежде всего посреднической торговлей. Эта торговля основывалась, главным образом, на „варварстве производящих народов“ (Маркс), следствием чего и являлась высокая норма прибыли.

Специфические особенности, господствовавшей в Турции, общественно-экономической формации („полуфеодализм“) определяли характер турецкой колонизации, описанный выше. Довольствуясь вассальной зависимостью абхазских владетелей, утверждением торговой монополии и получением дани, турки не имели необходимости ломать производственные отношения, которые они застали в Абхазии. Маркс в свое время особо подчеркивал эту черту турецкой колонизации, указывая, что:

«При всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он **оставляет существовать старый и довольствуется данью** (например, турки и римляне) или имеет место взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)» («К критике полит. экономии», ГИЗ, 1931, стр. 66).

Колонизаторы и купцы в эпоху турецкого протектората (XVI-XVIII столетия) были заинтересованы в консервации способа производства в Абхазии на наиболее низком уровне, ибо именно это обеспечивало расцвет посреднической торговли.

Но прямым следствием отсюда вытекало слабое, замедленное развитие производительных сил внутри самой Абхазии.

Земледелие в холмистой полосе начало уже преваливать над скотоводством, но земледельческая техника оставалась на чрезвычайном низком уровне.

Взрыхляя деревянной сохой-рогулей ничем не удобряемую, отвоеванную от леса, землю, зачастую ограничиваясь мотыжной обработкой вручную без применения тягловой силы, бороня пашню пучком хвороста, утяжеленного камнями, абхазский крестьянин сеял гоми (просо), лобио (фасоль), ацыца (редька), лук, чеснок и прочую зелень. Позднее в XVIII веке появилась кукуруза, на ряду с гоми,

занявшая место основного хлебного злака. На обработку одного гектара кукурузы уходило не более 60-70 трудодней в год.

Скотоводство попрежнему имело крайне экстенсивный характер. Близость горных пастбищ, куда скот гонялся летом, и в то же время теплая, почти бесснежная зима, свойственная холмистой полосе, не вызывали необходимости в создании искусственной кормовой базы—скот круглый год находился на подножном корму.

Техника виноградарства не подвинулась вперед в течение целых столетий и виноградная лоза—очень древняя культура в Абхазии—продолжала обвиваться вокруг ольховых деревьев без всякого ухода.

Также почти без специального ухода произрастали вокруг поселений фруктовые и ореховые деревья.

Собирание дикорастущих плодов, добыча меда у диких пчел, охота—все эти отрасли не далеко ушли в своем развитии от первых этапов присваивающего хозяйства.

Соответственно примитивности форм экономической деятельности крайне простым было и жилище абхазского крестьянина, представлявшее собой легкую круглую постройку, плетенную из прутьев рододендрона, с конусообразной крышей, накрытой папортником и сухой травой. Постройка такого жилища была доступна каждому и не требовала привлечения специалистов—плотников и печников, держалась очень долгое время, предохраняя от зимних дождей и одновременно от летнего зноя.

Одежда, находившаяся в массовом употреблении, была также чрезвычайно проста. Черкеска и башлык являлись характерным костюмом только для высшей прослойки „чистых крестьян“. Более распространенной крестьянской одеждой был грубый бешмет (акабакч), длинная рубаша, войлочная конусообразная шапка и чусты из сыромятной кожи, а у женщин—длинное простое платье и безрукавка. Рабы и крепостные зачастую ходили почти совершенно голыми, прикрывшись кожаным фартуком (акуахча) или бесформенными лохмотьями.

Необычная ровность и мягкость климата, отсутствие резких отличий между временами года исключали необходимость дифференциации одежды на летний и зимний костюм.

Материалом для одежды служил лен, реже хлопок и шерсть.

Посуда делалась из глины или выдалбливалась из дерева, при чем чаще всего преобладал последний способ благодаря окружающим поселки лесным богатствам.

Изготовлением одежды, посуды, несложной мебели занималась почти каждая семья. Во всяком случае, все пред-

меты домашнего обихода могли быть изготовлены, благодаря их примитивности и повсеместному наличию сырья в каждой крестьянской семье, не вызывая нужды в специализации, а стало быть в отделении плотничьего, столярного, портняжного, сапожного и гончарного промысла от земледелия.

Если где и намечалась тенденция к выделению ремесла, так только в металлообрабатывающих промыслах. На территории Абхазии не было крупных месторождений железа. Признаки железной руды обнаружены в высокогорной зоне — в верховьях р.р. Кодора и Бзыби, но нет никаких оснований предполагать, что они разрабатывались. Однако, пояс залегания руд цветных металлов (цинка, свинца и меди), который тянется почти на 40 километров вдоль Чедымского хребта от г. Дзышра до г. Хицма, был известен абхазам с глубокой древности. В урочище Ахизтоу-Акуара, в ущелье р. Гумы до сих пор сохранились следы старинных серебряно-свинцовых и медных разработок.

Добыча этих руд предпринималась с целью изготовления грубых орудий (медь), пуль (свинец) и украшений (серебро). Процесс добычи и обработки руды отличался, конечно, крайней примитивностью. На склоне обрывистой горы, где обнажались выходы руд, рыли большую яму, в которой в течение некоторого времени жгли сухие каштановые дрова. Затем, когда, по словам стариков, земля вокруг ямы накалялась настолько, что надо было беспрестанно поливать ноги холодной водой, чтобы стоять вблизи, тогда в яму бросали руду, затем снова засыпали каштановым углем, и снова жгли до тех пор, пока из ямы не начинал течь расплавленный металл. Последний моментально разливали по формам, выдолбленным в камне или сделанным из глины, а потом уже принося домой, в родовой кузнице подвергали дальнейшей обработке.

Как видно из краткого описания, процесс добычи металла был очень тяжел и поэтому доступен уже далеко не каждой семье, а кроме того источники сырья этого рода (залежи руды) были и локализованы в определенном пункте, вследствие чего далеко не все жители могли ими воспользоваться.

Также примитивно в Абхазии пробовали добывать порох из смеси сухого козьего кала (селитра), серы и особого растения — „харчил“ („аҭагцәи“).

Но ни добываемый свинец и медь, ни самодельный порох, благодаря своему низкому качеству и ограниченному количеству, не могли удовлетворить быстро растущий спрос на оружие и боеприпасы, что заставляло обращаться к посредничеству приезжающих с моря купцов.

Именно—оружие и боеприпасы, а также и соль, запасов которой в Абхазии не было совершенно—это были самые слабые звенья в цепи натуральной системы хозяйства феодальной Абхазии.

Но обмен не был еще законом развития этого хозяйства, которое оставалось в целом еще вполне натуральным. Внутренний обмен был развит очень слабо, прикрываясь чаще всего формой „дарения“. Внешний обмен служил на первых порах лишь отдушиной, через которую удовлетворялся спрос на такие продукты, как оружие и соль, и таким образом не противоречил натуральным отношениям, твердо державшимся внутри Абхазии.

Более того, поскольку в основном потребности крестьянства и эксплуататоров-феодалов удовлетворялись собственным производством, а добавочный спрос на оружие и предметы роскоши со стороны князей и дворян всегда встречал в любом размере предложения со стороны приезжих купцов, следовательно посредническая береговая торговля в этом смысле укрепляла натуральные формы хозяйства и консервировала существовавшие в Абхазии производственные отношения.

В течение столетий, почти до самого XVIII века, „мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью“ было непоколебимой основой феодального способа производства в Абхазии. В консервации данного способа производства не малую роль играл иностранный посредник-купец, стремившийся затормозить развитие производительных сил страны, замедлить темп ее культурно-политического роста, не допустить зарождения национальных элементов буржуазной формации в недрах абхазского феодализма.

Развитие торгового капитала в рамках феодального способа производства может происходить только на основе феодальных форм эксплуатации.

Это, между прочим, отрицала троцкистская оппозиция в дискуссии по китайскому вопросу. Но это ясно указывал тов. Сталин:

„Оппозиция не видит, что своеобразие китайской экономики состоит не в проникновении купеческого капитала в деревню, а в сочетании господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала при сохранении феодально-средневековых методов эксплуатации и угнетения крестьянства“ (Сталин— „Об оппозиции“ стр. 618).

Именно возраставшая эксплуатация трудового населения страны феодальными владельцами и иноземными хищниками—колонизаторами не давала возможности ее экономике развиваться соответственно богатейшим природным возможностям.

Укрепление мощи феодалов

При господстве натурального хозяйства, разумеется, и прибавочный продукт труда зависимого крестьянина присваивался феодалом в натуральной его форме.

Князь или дворянин, хотя и не вел непосредственно обширного хозяйства, однако, обеспечивался в избытке не только продозольственными продуктами (хлеб, вино, мясо, фрукты), но и продуктами домашних крестьянских промыслов (льняные, а иногда и хлопчато-бумажные ткани, шерсть и шерстяные изделия, ковры, посуда, оружие и пр.).

Но с течением времени, по мере накопления отчужденного у подвластных крестьян прибавочного продукта, потребности феодала росли. Возможность постоянного удовлетворения этих растущих потребностей, посредством берегового обмена, в свою очередь, стимулировала данный процесс.

Рост потребностей абхазских феодалов вызывал: во-первых, учащение актов берегового обмена и увеличение оборотов береговой торговли, во-вторых—повышение нормы эксплуатации, расцвет военно-феодалового грабежа с целью прямого захвата рабов, как самого распространенного предмета торговли.

Работорговля увеличивала феодальную ренту. Развитие берегового обмена сближало интересы абхазских феодалов и иностранных купцов. С течением времени князья и дворяне привыкли рассматривать береговую торговлю, как источник добавочных доходов.

Работорговля была весьма выгодным занятием. Рабы всегда доставались без большого труда путем вооруженных набегов на соседей внутри Абхазии или за ее пределами. Все захваченные в плен составляли, конечно, собственность князя—организатора и предводителя набега, и поэтому поставщиками рабов на береговые рынки, обычно, являлись феодалы. Захваченных в плен обращали в рабство, но не всегда сразу продавали.

Каждый военный набег сопровождался все-таки известным риском и потому нельзя было часто прибегать к этому способу воспроизводства живого товара. Гораздо безопаснее был способ естественного воспроизводства рабов, путем деторождения.

Дюбуа отмечает, что

«желая иметь рабов для продажи, они (феодалы, А. Ф.) принимались за это дело заранее... Захватив пленников, пиратствуя по морям, воюя с соседями или же грабя в Имеретии и Черкессии, они спешили поженить тех рабов и рабынь, от женитьбы которых они ожидали наибольшей при-

были; но как только у них рождались дети, их отнимали от родителей и воспитывали отдельно до того времени, пока являлась возможность выгодно продать их. Эти несчастные пленники были настоящими производителями детей!!!» (указ. соч., стр. 258).

Во всяком случае, захват рабов и воспроизводство рабов для обмена сделалось важной отраслью хозяйственной деятельности абхазских феодалов.

Но кроме рабов, предметами экспорта из Абхазии служили: лесо-сырье (в первую очередь самшит), пушнина, мед и воск. Эти товары доставлялись феодалу подвластными крестьянами. По мере роста потребностей феодалов во внешнем обмене мы наблюдаем поэтому увеличение натуральных приношений и усиление трудовых повинностей. Иллюстрацией могут служить примеры, характеризующие порожденное вышеуказанными потребностями стремление феодалов к захвату общинных лесов и пастбищ. Кодорские Чачба (Шервашидзе), владельцы Абжюйской (Срединной) Абхазии, резиденцией которых были селения Кутол и Тамыш, в XVIII веке пытались захватить большой Джгердинский лес, площадью до 100 кв. километров. Тогда же бзыбские Чачба монополизировали право рубки и вывоза самшита в Бзыбском ущелье, при чем последовательность экспроприации была такова: сначала запрещена была охота в данном лесу, затем для охраны от браконьеров владельцы поселили там сторожей, и наконец, объявили о запрещении порубки и вывоза леса.

Не случайными была также и тенденции владетельных князей захватить свободные до того сельские общины высоких предгорий, населенные преимущественно охотниками и пчеловодами. В середине XVIII века, например, бзыбские Чачба добились захвата сел. Отхара, расположенного у подножья Чедымского хребта, жители которого были обязаны натуральными приношениями продуктов охоты и пчеловодства.

Повышение нормы эксплуатации ярче всего выразилось в усилении крепостнических элементов феодальной зависимости.

Основная масса абхазского крестьянства («анхайю»), хотя и находилась в зависимых, не свободных отношениях, **но не была прикреплена к земле**. Домашнее хозяйство обслуживалось прислугой, состоявшей из рабов.

Теперь же феодалы начинают практиковать наделение рабов земельными участками, что ведет к образованию целой прослойки прикрепленных к земле производителей («ахуйю»), которые, наряду с исполнением домашних работ, занимаются и земледелием.

Одновременно, падает патриархальная оболочка с натуральных приношений, которыми были обязаны „чистые крестьяне (анхайюцкиа): если раньше они приносили продукты по праздникам в новый год, на пасху, на рождество, в виде подарков своему „князю-батюшке“, с которым они часто находились в „родственных“, отношениях в силу обычаев усыновления (ахупхара, аюнадара) и воспитания (аатзара), то теперь сроки регламентируются, а об'ем и вес приношений нормируется. Кроме того, устанавливается обязательная трудовая повинность в размере 3-5 дней полевой работы на семью, что значительно отличается от прежней работы на поле владельца в форме «взаимопомощи» (ацааһ).

Жажда наживы, жажда накопления, порожденная береговой торговлей с иностранными купцами, привозившими невиданные заморские товары, обьяла абхазских феодалов, сбросивших маску патриархальности и обнаживших свое настоящее звериное лицо феодального эксплуататора, барщинника, крепостника.

В прошлом довольно примитивное хозяйство абхазского феодала приобретает новые функции (труд крепостных, торговые операции, и т. д.), усложняется и нуждается уже в известном разделении труда и специализации.

Крайне характерным фактом является стремление крупных феодалов, в частности—владельцев князей Чачба, специализировать подвластных крестьян на определенных промыслах, в особенности усовершенствовать металлообрабатывающие промыслы. Следствием этого было появление отдельных фамилий, из поколения в поколение занимавшихся по преимуществу одним и тем же промыслом—кузнечным (фамилия Жиба от ажиаа—кузнец) *), ювелирным („Ахиба“—золото)**) и т. п.

С другой стороны, активное участие крупных феодалов в береговой торговле и усложнение структуры феодального хозяйства вызывало необходимость в специальных „управителях“—приказчиках—мажордомах („акяхя“) ***), на обязанности которых по преимуществу и лежала организация сбыта продуктов, предназначенных для обмена, на береговые рынки, заготовка сырья и закупка импортных товаров. Некоторые из этих „управителей“, пользуясь разницей цен и распоряжаясь в значительной степени бесконтрольно товарами, не забывали и себя, превращаясь в зажиточных и накапливая немалые богатства.

*) абх. „аҭҭаҭ“

**) абх. „ахиа“

***) абх. „аҭаҭаҭа“

Этому способствовало и то, что должность такого „управителя“ обычно бывала наследственной.

Одним из таких „управителей“ были представители фамилии Квициния, служившие в этой должности у тамышских князей Чачба. С течением времени они накопили достаточные излишки, в конце концов почти эмансипировавшись от своих хозяев. Эти Квициния не только имели постоянное общение с „турецкими“ купцами, причаливавшими в устье р. Дгамыш, но и сами снаряжали караваны с транзитными грузами вглубь страны в Джгерды, Чилоу, Атару и т. д., торгуя солью и оружием.

В XVIII веке развитием береговой торговли и ростом товарности в хозяйстве крупных феодалов стимулируется и внутренний обмен.

Появляются внутренние рынки ярмарочного типа. Одной из первых таких ярмарок был базар в Илори, близ знаменитого по всей Абхазии, находящегося там, храма „святого“ Георгия, куда ежегодно собирались тысячи крестьян с разных концов страны.

На ярмарке в Илори, конечно, имели хождение по преимуществу товары, которые могли быть использованы затем для берегового обмена, или товары, купленные на побережье у приехавших купцов.

Все это—начиная от „кузнецов“ Жиба и тамышских „мажордомов“ Квициния до Илорской ярмарки—свидетельствует о признаках разложения натурального хозяйства Абхазии XVIII века.

Такова диалектика истории. Береговая торговля, тормозившая в начале рост производительных сил Абхазии и консервировавшая феодальный способ производства, в конце концов породила явно противоположные тенденции, направленные к разложению феодализма, к появлению в недрах его эмбрионов товарно-капиталистической формации.

Абсолютистские тенденции владетельных князей Чачба

Береговая торговля в значительной степени содействовала укреплению экономической мощи и усилению политического авторитета владетелей Абхазии—князей Чачба (Шервашидзе).

Резиденцией владетелей было селение Лыхны, а потомственным владением, своего рода „вотчиной“—Бзыбская Абхазия. Но родственникам владетеля из фамилии Чачба принадлежал ряд пунктов и в других районах Абхазии. Вероятно, не случайно, что в их руках с течением времени оказались почти все пункты берегового обмена: Келассури, Тамыш, Очемчиры, Гудава, не считая Бомборы и Пицунды.

Лыхненские Чачба в эпоху расцвета феодальных отношений занимали среди других феодалов положение „первых среди равных“, обладая в значительной степени номинальной властью, а на деле пасуя перед могуществом своих „подвластных“ князей и дворян, признававших владетелей постольку, поскольку они имели большую силу.

Однако по мере развития берегового обмена, владельцы накопили большие богатства на работоторговле, на торговле самшитом и пушниной. Береговые базары к концу XVIII века давали им ежегодного дохода свыше 2.000 рублей серебром. Владетели первые пользовались лучшими товарами, запасаясь оружием, золотом и другими драгоценностями, которые можно было с успехом употреблять, как средство подкупа в борьбе с „непослушными“ феодалами.

На ряду с возрастающей экономической мощью, укреплению власти владетелей содействовали политические обстоятельства, в частности покровительство Турции.

Это покровительство со стороны Турции, было конечно, вынужденным. Дело в том, что появившись на берегах Абхазии еще в XVI веке, турки в течение более 100 лет никак не могли обеспечить свое господство на побережье.

Не говоря, что они не могли добиться аккуратной выплаты дани от абхазского населения, но зачастую дело доходило до того, что турецкие гарнизоны терпели длительную осаду и даже покидали Сухумскую и Гагринскую крепости в результате нападений со стороны абхазов. Турецкий протекторат над Абхазией превращался в протекторат над Сухумом и Гаграми, да и то довольно непрочный.

Турки решили крепче связаться с фамилией владетелей Чачба, переманить их всерьез на свою сторону, сделать их своими надежными вассалами.

Еще в первой половине XVIII века, три брата: Шерван, Сулейман и Зураб Чачба были отправлены в Стамбул „аманатами“ (заложниками). Один из них—Шерван впоследствии был назначен пашой в Батумскую крепость, а другой—Сулейман в Сухум. В Поти тоже пашой сидел один из представителей гурийских Шервашидзе. Таким образом, комендантами всех важнейших крепостей на побережье служили члены фамилии Шервашидзе.

Однако, хотя Сулейман и был комендантом Сухум-Калэ, но это еще не значило, что через него турки могут распоряжаться Абхазией.

Турецкие дипломаты инсценируют одно восстание за другим, ссорят претендентов на Лыхненский „престол“ и в конце концов выдвигают владетелем Абхазии молодого Ахмед-Келеш-бея Чачба, утверждая его одновременно пашой Сухум-Калэ и, следовательно, наместником Порты Оттоманской в Абхазии.

Этим Турция надеялась обеспечить незыблемость своего протектората и наладить получение дани.

Располагая поддержкой Турции, обладая полученным в наследство богатством, Келеш-бей поставил задачей укрепить центральную власть во что бы то ни стало. Видя первых своих врагов в лице крупных феодалов — князей Маршания, Кодорских Чачоа, Эшерских Дзяпш-Ипа и др., Келеш-бей делает ставку на мелкое дворянство и верхушечную прослойку „чистых крестьян“, из которых он начинает вербовать своего рода служилых дворян, „дружинников“ — форсируя создание промежуточного сословия „ашнакма“.

После упорной борьбы, он сокрушает главного соперника, своего двоюродного брата — Бекир-бея Чачба, принуждает к покорности цабальских князей Маршания и закодорских Чачоа.

С эшерскими дворянами Дзяпш-Ипа он справляется проще, уюивая их в своем дворце, куда он пригласил их, якобы для переговоров.

Келеш-бей, разгромив наиболее непокорных из абхазских феодалов, переносит свою резиденцию из Лыхны в Сухум-кале, обосновывая теперь свой авторитет турецкими пушками и ружьями янычар.

Убедившись, что свой тыл с северо-запада союзом с джигетами (садзами) и убыхами, он обрушивается на Мингрелию, захватывая Гнаклию и совершая несколько походов вплоть до самой Турии.

В этой борьбе с мингрельским владельцем Григорием Дадиани Келеш-бей впервые сталкивается с представителями русского царизма, который к этому моменту уже успел аннексировать восточную Грузию и протягивал свою хищную лапу к Имеретии и Мингрелии, стремясь выдвинуть свои боевые аванпосты на берега Черного моря.

У Келеш-бея возникает мысль использовать вражду между Турцией и Россией, чтобы полностью освободиться от турецкого протектората и остаться полновластным государем в Лохазии. Он примиряется с дадианами и начинает готовиться к самоопределению от Турции.

Князь Цицианов в письме владельцу Мингрелии Григорию Дадиани от 30 июня 1805 года указывает:

„дворяне Гвинхидзе об'явили мне, что якобы Келеш-бек Шервашидзе, Лохазский владелец, ищет покровительства Всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство его императорскому величеству моему государю, и что будто он никак не зависел от блистательной Порты Оттоманской...» (Акты К. А. К., II, 536)

А три года спустя, сам Келеш-бей пишет князю Цицианову (1806 г.).

«Сиятельный князь, высокостепенный и великопный генерал! По из'явлении Вам искренней моей дружбы, сообщу следующее, что высокостепенный трапезундский владелец Таяр-паша... ласкаясь найти убежище под сенью высокого России покровительства, приехал ко мне в дом... И хотя по просьбе моей Порты Оттоманская уничтожила действие фирмана о доносе (в отношении Таяр-паши, А. Ф.), но ежели бы вновь последовало ко мне на выдачу помянутого паши повеление, в таком случае я не исполню онаго, ибо он, паша, желая быть под покровительством России, прибегнул в дом мой, а потому уже ни под каким видом не могу его выдать. Убежище его ко мне по сказанному случаю подает и мне причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному... Покорно прошу Вас представить о том обстоятельстве Е. И. В. и употребить Ваше ходатайство... (о том, что)... в случае могущего последовать от Порты Оттоманской притеснения не оставить нас своею помощью и защищением...» (Акты К. А. К., III, 191).

Поводом к разрыву с Турцией послужил инцидент с мятежным трапезундским пашой Таяр-беем, попавшим в опалу у султана и нашедшим приют в Сухуме у Келеш-бея.

На требование Стамбула выдать Таяр-пашу, Келеш-бей ответил отказом и тотчас начал переговоры с царским генералом Цициановым (1806 г.). Но русское командование затягивает переговоры, не решаясь открыто сорвать перемири-, заключенное недавно с турками.

Оставшись один на один с Турцией, Келеш-бей, однако, не теряет времени и готовится к упорной борьбе так энергично, что когда турецкая эскадра, посланная для карательных мероприятий против Келеш-бея, 25 июля 1806 г. появляется у берегов Абхазии, то она встречает укрепленные бастионы Сухум-Калэ и 25.000 войска, расположенного поблизости на побережье.

„Юйрук-байкадар“, начальствующий над эскадрой, решает „благородно ретироваться“.

Об этом событии русский генерал Рыкгоф доносил Тифлисскому командованию в следующих выражениях (рапорт от 30 июля 1806 г.):

«Флотилия Турецкая, состоящая из 3 военных и 8 гребных судов, для наказания Келеш-бека, мимо укрепления нашего, возведенного при устье р. Хопи, сего месяца 25-го числа прошла к Сухуму и начальствующий оною эскадрою юйрук-байкадар был уполномочен по сему предмету... Келеш-бек себя к встрече с байкадаром совершенно успел приуготовить и, собравши 25-тысячный корпус, составленный из черкес и абазинцев, имел намерение защищаться

доколе будет возможно и есть надежда, что стены Сухума и знатное число войск его не выдадут..." (Акты К. А. К., III, с. 192).

Неудача турецкой карательной экспедиции сильно подняла авторитет Келеш бека, о чем сообщает бар. Будберг графу Гудовичу в письме от 5 сентября 1806 г.

"Известия, помещенные в депешах в. с., от 16 сентября с. г., о продолжающейся преданности к России Абхазского владельца Келеш-бека и о безуспешном возвращении турецкой эскадры от мингрельских берегов, обратили на себя особенное внимание Государя Императора"... (Акты, III, 193).

Это был расцвет могущества Келеш-бея. Почти год он один управляет независимой Абхазией. Теперь он уже охладел к России и царские генералы даже заподозревают его в "измене".

Но вот наступает неожиданная развязка. 2 мая 1808 г. Келеш-бей был убит своим сыном Асланом, ставленником Турции.

Абсолютистская тенденция обрывается со смертью ее наиболее яркого носителя.

Происшедший "дворцовый переворот" открывает новую эру для Абхазии. Междоусобица детей Келеш-бея: Сафар-бея и Аслан-бея вызывает в стране феодальную реакцию, политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом.

9 июня 1810 года русский десант с боем занял Сухум-Калэ.

Береговая торговля начинала хиреть и вырождаться в контрабанду.

Август 1932 г.—июль 1933 г.

Использованная литература

1. «Voyage de m-r le chevalier Chardin en Perse, etc...» Paris, 1723, tome I et II.
2. «Relation della Colchide noggi detta Mengrellia, etc...» Del p. d. Archangelo Lamberti, in Napoli, 1654.
3. «Traite sur le commerce de la Mer-Noire, par M. de Peyssonnel, ancien consul-général». Paris, 1787, p. II. (русский перевод в выдержках—изд. Адыгейского Н.-И. Института).
4. Dubois de Montpéroux—«Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesse et les abkhases, etc...», Paris, 1839
5. Акты Кав. Арх. Комиссии, т. II и III.
6. Сб. „История классовой борьбы в Закавказье“—изд. ЗКУ, Тифлис 1930.
7. Торнау—„Воспоминания Кавказского офицера“, 1835.
8. Гулия Д.—„История Абхазии“, т. I.
9. Кудрявцев—„Сб. материалов по истории Абхазии“.
10. Розен—„История Турции“.
11. Маркс—„Капитал“, т. I и III.
12. Энгельс—„Происхождение семьи, частной собственности и государства“.

Редактор А. В. ФАДЕЕВ.

Техредактор ПИЩИК.

Сдано в печать 28/X, подписано к печати 25/XII 33 г. объем 3 п/л. формат 6. 61x86, в п. л. 38,40 знаков. Главлит № 7, заказ № 6490. Тираж 2000

Гор. Сухум, типо-литография Абгиза.

